

Когда Цзянь Юэ снова открыл глаза, за окном был тихий послеполуденный час.

Сквозь занавески в комнату проникал мягкий вечерний свет. Он увидел его сквозь прозрачную ткань балдахина над кроватью.

Он попытался пошевелиться —

но тут же почувствовал, как всё тело пронзила острая боль.

В этот момент в комнату вошёл кто-то. Цзянь Юэ увидел силуэт Цзи Хуайюй. Тот спокойно подошёл и спросил:

— Проснулся?

Цзянь Юэ едва заметно кивнул и прошептал:

— Но мне кажется...

Цзи Хуайюй без паузы закончил за него:

— Но тебе кажется, что всё тело болит ужасно, и ты не можешь пошевелиться.

Цзянь Юэ удивился и машинально подумал:

«Сяо Юй, откуда ты это знаешь?»

— Потому что твоя душа сейчас нестабильна, — спокойно ответил Цзи Хуайюй. — Чтобы ты мог дольше оставаться в теле, я создал тебе новое с помощью Дрели для кукол.

Цзянь Юэ на мгновение замер, а потом понял, что значит «новое тело».

Неужели...

он теперь тоже кукла?

Под его изумлённым взглядом Цзи Хуайюй медленно произнёс:

— Я думал, ты уже задумывался об этом, когда отправился за Дрелью. Ты рвался вперёд — копал руками, вырывал силой, даже когда плоть на руках уже начала гнить, но всё равно не сдавался.

На этот раз смутился Цзянь Юэ.

Он знал: Дрель для кукол — не игрушка. Чтобы использовать её и прикрепить чужую душу к кукле, нужно платить цену.

В той самой книге было написано чётко:

все подобные артефакты требуют жертвы. Если бы не Жемчужина Огнеупорности, что защищала его руку, он, возможно, даже не смог бы поднять Дрель.

— Я знал... — тихо сказал Цзянь Юэ. — Но в тот момент у меня просто не было времени думать об этом.

— Было, — возразил Цзи Хуайюй.

Цзянь Юэ удивлённо поднял на него глаза.

Цзи Хуайюй поднёс руку, нежно коснулся его щеки. Его взгляд был глубоким, тёмным, голос — тихим:

— Ты слишком умён, чтобы не думать об этом. Ты прекрасно всё просчитал. Ты знал, как это опасно... но всё равно пошёл на это.

— Это... наказание для меня? — спросил Цзи Хуайюй.

Цзянь Юэ немного подумал, затем мягко покачал головой:

— Нет.

Цзи Хуайюй молча смотрел на него.

— Я не хочу тебя наказывать, — сказал Цзянь Юэ. — Я просто хочу, чтобы с тобой всё было хорошо. Я сделал это, потому что не хочу снова остаться тем, кого бросили. Сяо Юй, я не хочу, чтобы ты нес всё бремя в одиночку. Если в этом мире никто не может разделить с тобой твою ношу, то хотя бы я буду рядом.

Он говорил спокойно, но Цзи Хуайюй почувствовал под этой спокойной поверхностью железную решимость.

Вдруг Цзи Хуайюй тихо улыбнулся.

— Ты всегда просишь меня стать эгоистичнее, — сказал он, — а сам так и не научился.

Цзянь Юэ не стал спорить и не улыбнулся в ответ. Он лишь взглянул на него и мягко приподнял уголки губ:

— Просто я не так уж и неэгоистичен, Сяо Юй. Слышал ли ты притчу? Один человек раздавал яблоки. Он спросил у голодных людей: «Хотите ли вы отдать своё яблоко другому?» Все отказались. А потом он спросил у сытых: «А вы?» И все согласились.

— На свете нет по-настоящему эгоистичных людей, — продолжил Цзянь Юэ, глядя прямо в глаза Цзи Хуайюю. — Человек может заботиться о других лишь тогда, когда сам уже сыт и счастлив. Сяо Юй... твоя любовь избавила меня от необходимости быть эгоистом.

Потому что он получил так много любви —

потому что Цзи Хуайюй всегда оставлял ему шанс на жизнь и надежду в самые опасные моменты,

потому что он чувствовал эту любовь —

потому что Цзи Хуайюй брал на себя все беды и страдания, даже не давая им коснуться его.

Ему больше не нужно было считать каждую крупицу любви, боясь потерять.

— Ты отдал мне столько любви, — тихо улыбнулся Цзянь Юэ, — что я не могу оставить тебя одного.

Едва он договорил — его обняли.

Цзи Хуайюй крепко прижал его к себе. Высокий, статный мужчина согнулся, будто обнимал последнюю нить, связывающую его с жизнью. Цзянь Юэ чувствовал, как тот дрожит, и как тёплые слёзы одна за другой падают ему на плечо.

Он слабо поднял руку, чтобы погладить Цзи Хуайюю по спине,

— но тут же резко втянул воздух от боли.

— Не шевелись, — тут же сказал Цзи Хуайюй. — Ты ещё не привык к новому телу. Пока не адаптируешься полностью, лучше не двигайся.

— А ты ещё обманывал меня, — прошептал Цзянь Юэ, — говорил, что куклы не чувствуют боли... Тогда почему мне так больно?

Цзи Хуайюй отстранился. Цзянь Юэ заметил, что его глаза слегка покраснели, но это ничуть не умаляло его величия и спокойствия. Взгляд, однако, был нежным.

— Потому что твоя душа не была рождена куклой, — сказал Цзи Хуайюй. — Ты можешь понять, что такое боль. И только осознав это, ты по-настоящему почувствуешь всё остальное.

Цзянь Юэ замер.

— Раньше я не понимал многих чувств, — продолжал Цзи Хуайюй. — Всё это ты подарил мне.

Цзянь Юэ медленно поднял руку, провёл белыми, изящными пальцами по щеке Цзи Хуайюя, стирая следы слёз.

Цзи Хуайюй склонился к нему — и поцеловал.

Их дыхания переплелись, слились в один ритм. В этот миг Цзянь Юэ услышал, как любимый шепчет ему на ухо:

— Я люблю тебя.

Потому что благодаря тебе

я впервые понял, что такое любовь.

Весна уступила место осени.

Позже Цзянь Юэ узнал, что провёл в беспамятстве не несколько дней, а целых несколько лет.

Теперь он понял, почему обычно сдержанный и невозмутимый Цзи Хуайюй плакал, обнимая его.

Все эти годы, пока он не приходил в себя, Цзи Хуайюй день за днём сидел рядом с его телом — телом куклы, что не дышало, не двигалось, не подавало никаких признаков жизни. Он даже не знал наверняка, осталась ли в нём душа... и проснётся ли Цзянь Юэ когда-нибудь.

Без всякой надежды,

без единого проблеска света.

Так Цзи Хуайюй ждал сквозь один за другим осенью...

пока однажды в тихий вечер человек на кровати наконец не открыл глаза.

И тогда он заплакал — и впервые в жизни по-настоящему понял, что такое любовь.

— Любовь — это когда ты страдаешь, — сказал тогда Цзи Хуайюй, — и я хочу отдать тебе всё, лишь бы ты остался цел.

Цзянь Юэ понимал: чтобы произнести эти слова, Цзи Хуайюй прошёл через невыносимые муки.

Но, к счастью, он проснулся.

Проход в горы давно уже закрылся. После того как Цзянь Юэ потерял сознание, Айя и другие пытались увезти его — но Цзи Хуайюй так крепко держал его в объятиях, с таким диким, пугающим выражением на лице, что никто не осмелился приблизиться.

Даже боялись: если попытаться силой оторвать Цзянь Юэ от него, то этот ужасный «босс хоррор-локации» может в мгновение ока уничтожить их всех на месте.

Так Цзянь Юэ остался.

И он ничуть не жалел об этом. В теле куклы каждое движение давалось больно, так что Цзи Хуайюй носил его повсюду на руках. Цзянь Юэ вдруг стал похож на маленького ребёнка — за едой, одеждой, покоем за ним ухаживали, как за самым дорогим сокровищем.

А Цзи Хуайюй делал это с удовольствием.

Цзянь Юэ в полной мере ощутил, что значит «жить как император».

Однажды приехал Цзи Хуайшэнь.

За эти годы он сильно повзрослел. Трагедия на алтаре и ужасы съёмочной площадки заставили этого когда-то легкомысленного актёра в одночасье стать взрослым. Даже то, что с места происшествия скорая увезла многих раненых — не умерших, а лишь тяжело пострадавших, — глубоко потрясло его.

Но главным стало другое:

Цзи Хуайшэнь наконец осознал, какое бремя все эти годы нес на себе его дядя, и как именно под его крылом он мог жить так беспечно и вольно.

— Дядя... прости, — горько сказал он. — Я был таким беспомощным.

Цзи Хуайюй спокойно ответил:

— Тебе не нужно извиняться передо мной. Я делаю это не только ради тебя. Я — старший ученик, сын приёмной матери. Это моя месть — за себя самого.

Цзи Хуайшэнь был растроган до слёз. Казалось, в нём вдруг проснулись безграничные силы.

— Я понял! — воскликнул он. — Всё, что касается семьи, теперь на мне! Я обязательно всё восстановлю!

— Даже если бы ты не взялся, — ответил Цзи Хуайюй, — я всё равно передал бы тебе. Мне нельзя надолго отлучаться — теперь я всегда буду рядом с ним.

Цзи Хуайшэнь: «...»

Выходит, все заботы рода и клана — ничто по сравнению с тем, чтобы ухаживать за супругом?!

В тот самый момент Цзянь Юэ лежал неподалёку на цветочной клумбе, с наслаждением поедая фрукты с блюда и наблюдая за сценой. Заметив взгляд Цзи Хуайшэня, он одарил его ослепительной, белозубой улыбкой.

Цзи Хуайшэнь: «...»

Когда он уходил, он остался на ужин. А перед отъездом подошёл к Цзянь Юэ, уже без прежнего высокомерия, покорно склонил голову и сказал:

— Раньше я тебя недооценивал. Теперь я всё знаю о том, что случилось у алтаря. Ты... ты настоящий герой. Лучше меня. Я спокоен, что мой дядя с тобой.

Цзянь Юэ протянул руку.

— Ты хочешь ударить меня, чтобы отомстить? — растерянно спросил Цзи Хуайшэнь.

— Нет, — удивился Цзянь Юэ. — Красный конвертик! Раз уж мы с твоим дядей вместе, свадьбы, правда, ещё не было, но твой свадебный подарок — обязателен!

Цзи Хуайшэнь: «...»

Когда же вы, двое, перестанете разрушать трогательные моменты?!

Прошли ещё годы.

Цзянь Юэ постепенно привык к телу куклы. Он уже мог спокойно пробежать вокруг усадьбы у подножия горы, не запыхавшись. Хотя бегать особо не любил — Цзи Хуайюй чаще увлекал его в другие виды активности.

Это помогало адаптироваться, и со временем суставы стали подвижными и гибкими.

Их жизнь стала обыденной, простой.

Никто не спрашивал, как долго прослужит тело куклы. Ведь горный духовный канал давно иссяк. Цзянь Юэ знал: если бы он не вернулся тогда, в ту ночь, когда канал рассеялся, Цзи Хуайюй — дух, рождённый этим каналом, — мог просто исчезнуть.

Он думал, что умрёт.

Но Цзи Хуайюй остался жив.

И он сам — тоже.

Канала больше нет, но они живы.

Сколько ещё продлится их жизнь — он не спрашивал. Цзи Хуайюй не говорил.

Цзянь Юэ, впрочем, и не особенно переживал.

Для него каждый прожитый день с Цзи Хуайюем — как подарок.

На пятом году после полной адаптации Цзи Хуайюй сказал:

— Надоело тебе в городке, да? Поехали в другое место.

— А нам можно? — спросил Цзянь Юэ. — Чем дальше от канала, тем хуже для тебя, я боюсь...

Цзи Хуайюй лишь погладил его по голове:

— Не бойся. Всё в порядке.

Так они покинули городок. Цзянь Юэ давно научился ему доверять. Они снова сели на тот же лайнер. Экипаж сменился, а без канала больше не появлялись ожившие куклы.

Жизнь стала по-настоящему безмятежной.

Цзянь Юэ снова увидел море, увидел рассвет над океаном. В первый раз, оказавшись на яхте, он жил в постоянном страхе. Теперь же — по-настоящему отдыхал.

Они вернулись в город.

Цзянь Юэ думал, что Цзи Хуайюй повезёт его в путешествие. Но вместо этого тот просто оставил багаж в квартире — и повёл его не к достопримечательностям и не смотреть горы с реками.

А к входу в парк развлечений.

Цзи Хуайюй — финансовый магнат, международный топ-менеджер, владыка всех кукол в роду Управителей, человек, способный в одиночку уничтожить целый съёмочный состав и целый городок — привёл его в парк развлечений.

— Сяо Юй? — удивлённо произнёс Цзянь Юэ.

— Билеты куплены. Пойдём, — ответил тот.

Это был второй раз, когда Цзянь Юэ попадал в парк. В первый — по делу: там произошло убийство, он приезжал как судебно-медицинский эксперт. Тогда парк был закрыт, людно было только полиции и следователям.

А теперь — шум, радость, смех. Все аттракционы работали. Родители с детьми, счастливые семьи — повсюду улыбки.

Его самого никто никогда не приводил сюда.

Ни в детстве.

Ни потом — когда, потеряв смысл, он ходил по жизни в одиночестве.

— Вот путеводитель, — сказал Цзи Хуайюй. — Начнём с американских горок.

Цзянь Юэ шёл, крепко держа его за руку, и спросил:

— Почему ты решил привезти меня сюда?

— В твоём досье написано, что ты рано потерял родителей и тяжело жил, — ответил Цзи Хуайюй. — Думаю, тебе не в чём нуждаться... но я хочу, чтобы ты был счастлив.

Они сели на американские горки.

Ветер свистел в ушах, пассажиры визжали от страха и восторга. Цзянь Юэ смотрел вниз — люди внизу казались крошечными. Сердце билось быстро.

Но вместо восторга он наклонился к Цзи Хуайюю и поцеловал его в щёку:

— Мне очень весело.

После американских горок они перепробовали всё:

качели-«Пиратский корабль», колесо обозрения, карусель...

Среди детей они выглядели странно, но Цзянь Юэ не мог нарадоваться — ведь рядом был Цзи Хуайюй. Даже у самых простых аттракционов.

На водных горках проводили акцию: по реке плавали цветные яйца с подарками. Другим приходилось долго ловить — а Цзи Хуайюй легко выхватывал их рукой.

— Вода, кажется, слушается тебя, как господина, — с восхищением сказал Цзянь Юэ.

Цзи Хуайюй стряхнул воду с пальцев и улыбнулся:

— У меня, кажется, от природы хорошее управление водой.

Цзянь Юэ замер.

Лэн Ли тоже управлял водой. И Цзи Хуайюй — тоже.

Шэнь Юйшу обладал талантом к бизнесу — и Цзи Хуайюй — тоже.

В каждом перерождении

его Сяо Юй существовал по-настоящему.

— Может, в прошлой жизни ты уже был связан с водой? — задумчиво сказал Цзянь Юэ. — Уже тогда умел с ней обращаться.

— Правда? — Цзи Хуайюй взглянул на него. Его тёмные глаза чётко отражали образ Цзянь Юэ. — Тогда, наверное, я уже любил тебя в прошлой жизни. Иначе как же объяснить, что с первого же взгляда на тебя я не мог перестать думать о тебе?

Улыбка Цзянь Юэ медленно исчезла.

Он вспомнил, как Лэн Ли тоже говорил:

«Мне кажется, я любил тебя ещё в прошлой жизни».

Его лицо стало нежным. Сидя на красивой лодочке, под лёгким ветерком, глядя на Цзи Хуайюя, он сказал:

— Тогда я, наверное, тоже любил тебя в прошлой жизни. Нет... не только в прошлой. И в позапрошлой — тоже.

Цзи Хуайюй смотрел на его сияющее лицо.

— Что поделаешь, — улыбнулся Цзянь Юэ. — Ты слишком хорош. Кто сможет удержаться и не полюбить тебя?

Цзи Хуайюй чуть приподнял уголки губ. Его голос растворился в шелесте воды:

— Я нехорош.

Только теперь, среди журчания ручья, вспомнилось: это же «босс хоррора», что смотрит на человеческие жизни как на соломинки, что без дрожи может наблюдать за реками крови. Он — стратег, расставляющий фигуры на доске, что продумывает ходы на сотни, даже тысячи лет вперёд, и ему всё равно, сколько пешек погибнет по пути.

— Но я хочу стать лучше — ради тебя, — сказал Цзи Хуайюй.

Когда они сошли с лодки, уже смеркалось.

В парке было много народу — вечером обещали шоу фонарей. Они заняли хорошее место для просмотра.

Парк дарил всем парам и влюблённым фонарики-небесные фонари. Можно было написать желание и отпустить его в небо.

Операторы парка давно заметили Цзянь Юэ и Цзи Хуайюя: их внешность и аура были слишком выдающимися. Один — прекрасен, как звезда экрана; другой — величав и невозмутим, словно с иной планеты.

Журналист спросил:

— А что вы загадали?

— Если сказать вслух — не сбудется, — улыбнулся Цзянь Юэ.

— Но если расскажете, вас ждёт супер-приз!

Цзянь Юэ тут же переключился:

— Хотя... разве истинные желания не должны быть услышаны? Мы хотим быть счастливыми каждый день.

— Вы ведь пара? — удивился журналист. — Не мечтаете о долголетию, о том, чтобы состариться вместе?

— Зачем ждать сто лет, чтобы любить? — ответил Цзянь Юэ. — Если сейчас мы счастливы — это уже и есть вечность.

Журналист почувствовал, как сердце сжалось. Такая мудрость... Такая любовь, что не подвластна времени.

— Пусть ваши желания сбудутся, — искренне сказал он.

— Спасибо, — улыбнулся Цзянь Юэ.

Он получил приз — пожизненный абонемент в парк.

— Вот это да! — радостно сказал он. — Раньше я сюда никогда не ходил. Теперь можно наверстать!

— Если хочешь, я буду часто приводить тебя сюда, — сказал Цзи Хуайюя.

— На самом деле, мне не так уж важно, именно в парк ли идти, — ответил Цзянь Юэ, сжимая в руке абонемент. — Просто мне очень радостно, когда ты рядом, и мы делаем вместе то, что никто никогда не делал со мной.

Цзи Хуайюй улыбнулся и крепко сжал его руку:

— Тогда я буду делать с тобой ещё много счастливых вещей.

— Главное — чтобы ты был рядом, — сказал Цзянь Юэ, глаза его сияли. — Всё, что я делаю с тобой, — приносит мне радость.

После парка они много путешествовали.

Катались на скалы, наблюдали за северным сиянием, бродили среди облаков...

А потом снова вернулись в тот городок у гор.

Тело Цзянь Юэ постепенно слабело. Энергия Дреки для кукол иссякала, и уже не могла поддерживать его надолго.

В последний день

Цзи Хуайюй повёл его на гору встречать рассвет.

Тёплый солнечный свет медленно проступал сквозь облака. Цзянь Юэ прислонился к плечу Цзи Хуайюя, наблюдая, как золотые лучи окутывают землю. Сил уже не было — он просто лежал, прижавшись к любимому.

Цзи Хуайюй, кажется, понял всё. Его рука крепко сжала ладонь Цзянь Юэ.

— Какой красивый рассвет... — прошептал Цзянь Юэ.

Цзи Хуайюй тихо ответил.

— Не грусти, Сяо Юй... — голос Цзянь Юэ едва слышен на ветру. — Я совсем не жалею. Эти годы с тобой — самые счастливые в моей жизни.

На его руку упала слеза — холодная. Он хотел поднять руку, но уже не мог. Даже глаза не видели чётко.

Лишь чуть-чуть сил хватило, чтобы прошептать:

— Ты тоже уйдёшь, да?

Цзи Хуайюй кивнул. Цзянь Юэ ощутил, как от тела любимого исходит тепло — такое же, как тогда, когда рассеялся алтарь. Он чувствовал: по мере того как его жизнь угасает, уходит и Цзи Хуайюй.

— Ты связал свою жизнь с моей? — прошептал он.

Цзи Хуайюй никогда не был чьей-то куклой-марионеткой. Но если он стал чьей-то — их жизни соединяются навеки. Смерть одного — смерть другого.

— Да, — ответил Цзи Хуайюй. — Ты сказал, что не хочешь быть брошенным. Я запомнил твои слова.

И потому,

несмотря на то что горный канал постепенно вновь накапливал силу и мог дать Цзи Хуайюю долгую жизнь,

он сознательно стал куклой Цзянь Юэ.

Когда жизнь Цзянь Юэ угасла —

он последовал за ним.

Цзянь Юэ пытался что-то сказать, но уже не мог. В последние мгновения он склонился в объятия Цзи Хуайюя, чувствуя, как тот крепко держит его.

Голос Цзи Хуайюя был таким же нежным, как тогда, когда он надевал ему кольцо и обещал защищать.

Он прижимал к себе любимого, чье тело уже не дышало, и вместе с ним исчезал в свете восходящего солнца:

— Мы больше никогда не расстанемся.